

А. Н. Одинокоев, Я. Н. Рабинович

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ Г. А. ЗАМЯТИНА

Имя видного российского историка Германа Андреевича Замятина сегодня известно сравнительно узкому кругу специалистов по истории Смутного времени¹. Большая часть его обширного научного исследования до недавнего времени оставалась неизданной. Среди них публикуемая ниже статья «Выступление новгородцев против первого царя из семьи Романовых в 1613 году»². Как писал сам Герман Андреевич в письме А. А. Строкову, «это итог изысканий, которые велись не один год ... она имеет интерес не только для новгородцев, для местного края, но и вообще для истории СССР, поскольку освещается вопрос, не затрагиваемый исследователями»³.

В названии работы Герман Андреевич акцентировал слово «выступление». При этом он имел в виду не столько военное «выступление» новгородцев против первого царя из дома Романовых (хотя они сражались вместе со шведами против москвичей под Тихвином и Гдовом), сколько политическое действие определенной части новгородцев в изменившихся условиях. Он анализирует биографии лиц, способствовавших этому «выступлению», и лиц, не примкнувших к нему. Опираясь на архивный материал, он сумел воссоздать картину действий новгородцев, уточнить и обосновать

---

¹ В 2008 г. были изданы его неопубликованные труды по истории Смутного времени, посвященные отношениям России и Швеции (*Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008).

² Издатели выражают благодарность руководству и сотрудникам Российской государственной библиотеки, безвозмездно передавшим текст этой рукописи Г. А. Замятина для публикации в Новгородском историческом сборнике.

³ См. Прил. 1.

их позицию и сделать научно обоснованные выводы, отличные от выводов новгородского историка В. А. Фигаровского⁴.

В своем письме⁵ С. В. Бахрушин отметил: «...с какой четкостью и мастерством сделан (Г. А. Замятиным. – А. О. и Я. Р.) анализ источника; это, действительно, блестящий образец работы над документом»⁶. Но при этом его, так же, как и академика Б. Д. Грекова, «смучила тематика» статьи. «Сейчас на очереди изучение моментов национальной борьбы против всякого рода интервенции, – уточнил свою позицию Бахрушин в письме к Замятину, – и эта именно сторона вопроса привлекает наибольшее внимание читателей. В этом плане измена национальному принципу со стороны власти господствующего класса выступала бы ярче на фоне общего национального подъема, а взятая отдельно, может вызвать обостренную критику. Вот почему мы не позволяем себе рекомендовать Вам печатание Вашей работы в виде отдельной статьи. Тем более хотелось бы видеть ее в составе того большого труда, над которым Вы работаете так много лет и которого лично я жду с большим нетерпением»⁷. По всей вероятности, под «большим трудом» Сергей Владимирович имел в виду докторскую диссертацию Германа Андреевича «Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве начала XVII века», защита которой состоялась в МГУ лишь в 1943 г.

Отзыв С. В. Бахрушина потребовал некоторой переработки статьи. Ее исправленный вариант в ноябре 1939 г. был предложен Г. А. Замятиным Новгородской секции Института истории АН СССР для публикации в Новгородском историческом сборнике⁸. Однако, при всех положительных отзывах коллег и несомненном интересе к этой статье у членов секции, ей так и не суждено было быть опубликованной.

В научных кругах до сих пор бытует мнение, что это произошло не без влияния историка Василия Александровича Фигаровского. На Чтениях, посвященных 70-летию Новгородской секции Санкт-Петербургского института истории РАН, в декабре 2008 г.

---

⁴ *Фигаровский В. А.* О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // НИС. Л., 1937. Вып. 2. С. 53–82; *Фигаровский В. А.* Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Новгород, 1938. Вып. 3–4. С. 58–85; *Фигаровский В. А.* Партизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. // НИС. Новгород, 1939. Вып. 6. С. 34–50. Третья работа В. А. Фигаровского не была ещё известна Г. А. Замятину к моменту написания статьи в 1939 г.

⁵ См. Прил. 2.

⁶ ОР РГБ. Ф. 618. Картон 9. Ед. хр. 29. Л. 1–1 об.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ *Коваленко Г. М.* Переписка Г. А. Замятина с Новгородской секцией Института истории АН СССР (1939–1940) // 125 лет Новгородскому музею. Новгород, 1991. С. 221.

А. А. Селин отметил: «...выяснить роль В. А. Фигаровского в противодействии публикациям статей Г. А. Замятина в новгородских изданиях только предстоит ... однако не подлежит сомнению, что взгляды Г. А. Замятина на “шведский фактор” в истории Новгорода эпохи Смуты не могли совпадать с риторикой статей Фигаровского»⁹.

Действительно, между Г. А. Замятиным и В. А. Фигаровским существовали значительные расхождения по ряду вопросов, касавшихся шведской оккупации Новгорода, а также сопротивления шведам в Новгородской земле; имела место и разная трактовка некоторых источников, но дело вовсе не в этом.

Герман Андреевич Замятин был глубоко эрудированным и профессионально опытным историком, всегда умел ценить мнение коллег и чутко реагировал на критику, однако он не прощал небрежностей, фантазий и зыбких, не подкреплённых историческими источниками выводов. Именно этим объясняется его некоторая жесткость в суждениях о позиции В. А. Фигаровского. Кроме того, как нам кажется, сыграла роль его манера игнорировать работы признанных историков и вовсе не ссылаться на них.

Не зная шведских архивных документов и важнейших трудов шведских ученых, В. А. Фигаровский допускал ошибки не только при анализе событий, но и в своей политически ангажированной риторике. Он искажал вклад Г. А. Замятина в историческую науку, сознательно замалчивая его открытия и архивные находки. В суровые 1930-е гг. для многих историков, в том числе и В. А. Фигаровского, было важно публично заявить о том, что они не могут согласиться с историками «старой школы», хотя при этом они использовали их труды.

Однако не следует демонизировать личность Фигаровского и предполагать, что он мог оказать влияние на публикацию работ Г. А. Замятина в НИС. Переписка Замятина с Новгородской секцией происходила в 1939 г., когда уже были опубликованы две статьи Фигаровского и готовилась к публикации его третья статья. Предполагаемая публикация предложенного Г. А. Замятиным очерка «К истории унии Новгорода со Швецией» в VI выпуске НИС 1939 г. была отложена, так как в номер вошла работа В. А. Фигаровского «Партизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в.».

Возможно, очерк Г. А. Замятина «Выступление новгородцев против первого царя из семьи Романовых в 1613 году» планиро-

---

⁹ Селин А. А. В. А. Фигаровский. Штрихи к портрету ученого // Чтения, посвященные 70-летию Новгородской секции Санкт-Петербургского института истории РАН 22 декабря 2008 г. Великий Новгород, 2009. С. 52.

вался к публикации в IX выпуске НИС (1941), однако Герман Андреевич, недовольный затягиванием сроков выхода в свет своей работы, обеспокоенный потерей времени и необходимостью включения данного очерка в качестве отдельной главы в докторскую диссертацию, сам снял вопрос о ее публикации, отказавшись от просмотра и дополнения перепечатанного Секцией экземпляра рукописи.

Это действительно так, ибо в настоящей публикации использован именно один из двух экземпляров машинописного текста, который когда-то был прислан Секцией Г. А. Замятину. Текст просмотрен Германом Андреевичем не полностью, и в нем сохранены авторские пропуски.

Мы можем только констатировать, что первоначальный разговор с Б. Д. Грековым по поводу ошибочных трактовок В. А. Фигаровского в его первой работе 1937 г. нашел отражение в его второй работе 1938 г.¹⁰ Повторные ошибочные утверждения В. А. Фигаровского во второй статье вызвали открытое возмущение Германа Андреевича в адрес самого Б. Д. Грекова как редактора сборника: «В. А. Фигаровский, не имея под руками источников на шведском языке, просто фантазирует. Не прочитав подлинник документов, он, тем не менее, имеет смелость утверждать, будто как Г. В. Форстен, так и Г. А. Замятин ошибочно полагают, что главным вопросом при переговорах (в Выборге. – Г. З.) был вопрос об избрании королевича русским царем¹¹. Он мог бы причислить к ошибающимся и шведских ученых, авторов статей ... словом всех, за исключением себя. Вот уж подлинно “с большой головы да на здоровую”. Удивительно, как такие перлы пропускает без оговорок столь авторитетный редактор сборника, акад. Б. Д. Греков...»¹².

Надежды Г. А. Замятина увидеть свои труды опубликованными в Новгородском историческом сборнике вскоре сменились пессимистическими прогнозами. В одном из писем в Новгород он сообщал о перспективах публикации своей работы «Выступление новгородцев...»: «Из Вашего молчания о ней я вывел заключение, что ей не увидеть света и в Новгороде, как бы она ни была богата новыми данными. Если это так, то зачем ее держать?»¹³

---

¹⁰ *Фигаровский В. А.* Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Новгород, 1938. Вып. 3–4. С. 58–85.

¹¹ Там же. С. 68, прим.

¹² *Замятин Г. А.* Выступление новгородцев против первого царя из рода Романовых // ОР РГБ. Ф. 618. Картон 9. Ед. хр. 3. Л. 55.

¹³ Письмо Г. А. Замятина Н. Г. Порфиридову – ученому секретарю Новгородской секции Института истории АН СССР от 7 марта 1940 г. // ОПИ НГОМЗ. Кп. 25975/3852. Л. 1.

Статья Г. А. Замятина начинается с анализа отрывка документа, опубликованного еще в 1821 г.¹⁴ Это наказ новгородцев своим послам, которых отправляют в Москву. Г. А. Замятин дает общую характеристику этого документа, осуществляет внешнюю и внутреннюю критику данного источника, делает вывод, что это подлинник, а не копия, как считали другие историки. Знание событий, которые происходили в Новгородской земле, их хронологии, мелких деталей позволило Г. А. Замятину сделать важный вывод о времени написания этого документа. Напечатанный отрывок наказа, не имеющий начала, непонятный смысл текста и другие обстоятельства долгое время не привлекали внимания исследователей к этому источнику. Укоренилось ошибочное мнение, что данный документ был составлен в августе 1612 г. и был адресован руководителю Нижегородского ополчения князю Д. М. Пожарскому, который в это время двигался из Ярославля к Москве. Хорошо известно о переговорах князя Д. М. Пожарского с новгородцами в Ярославле летом 1612 г. с целью заключения союза против поляков и избрания русским царем шведского королевича. Данный документ по смыслу, на первый взгляд, вроде бы вписывается в эту канву.

В действительности, как выяснил Г. А. Замятин, этот документ был написан в августе 1613 г. (через полгода после избрания Михаила Романова!) и основная цель его – призыв к москвичам свергнуть Михаила Романова и признать своим государем шведского королевича Карла Филиппа.

Историк восстановил начало наказа по другим опубликованным источникам. Эту реконструкцию текста можно считать образцовой. Наличие полного текста и знание точного времени его написания позволили исследователю осуществить анализ этого источника, выяснить истинные цели отправки посольства игумена Дионисия в Москву. Вначале Замятин дает краткую характеристику приговора об избрании шведского королевича, принятого ополчением Прокопия Ляпунова под Москвой в июне 1611 г., приводит сведения о переговорах Пожарского с Новгородом, говорит о новгородском посланнике Федоре Боборыкине, об изменниках, бежавших к Москве (Лупандины, Нарбековы), сторонниках «московской ориентации». Из опубликованных источников¹⁵ Замятин знал, что

---

¹⁴ Наказ митрополита Исидора, кн. И. Н. Одоевского игумену Дионисию, В. Новокшенову, И. Лутохину, И. Секерину. 1613, август // СГГД. СПб., 1819. Т. 2, № 284. С. 601–603.

¹⁵ Приговор митрополита Исидора, воеводы князя Ивана Одоевского и земских чинов об отпуске в Выборг уполномоченных для предложения шведскому принцу Карлу Филиппу новгородского престола. 1613, июля 27 // ДАИ. Т. 2, № 4. С. 5–8; Грамота шведского короля Густава Адольфа Новгородским чинам об отъезде брата его Карла Филиппа из Стокгольма в Выборг, с требованием высылки туда послов...

Федор Боборыкин вплоть до лета 1613 г. оставался в Москве (новгородские послы должны были просить москвичей отпустить его в Новгород), а осенью 1613 г. в Новгороде составлялись поручные записи по членам семей бежавших Лупандиных и Нарбековых. Это подтверждало мнение Г. А. Замятина, что данный документ был составлен в августе 1613 г.

Исследователь выясняет обстоятельства отправки посольства Дионисия в Москву. Накануне отправки этого посольства в Новгороде стало известно, что в Выборг прибыл королевич Карл Филипп, который требовал, чтобы его встречали новгородцы и москвичи. В Новгороде было принято решение отправить для встречи принца в Выборг посольство архимандрита Киприана. Замятин дает характеристику Приговора об отправке данного посольства, говорит о борьбе в Новгороде различных партий (сторонников и противников шведского королевича), о смуте и распрях среди жителей города. Из анализа текста Приговора исследователь делает вывод о победе сепаратистов, ведь Карла Филиппа зовут только на Новгородское государство, без упоминания Владимирского и Московского. Эти сепаратисты в Новгороде враждебны Михаилу Романову. А сторонники Москвы после некоторой борьбы вынуждены были бежать из города (Лупандины и Нарбековы, князь Юрий Мещерский).

Г. А. Замятин связывает начало этой политической борьбы в Новгороде с прибытием в город с письмами из Стокгольма и из Выборга новгородцев, сопровождавших королевича (Евсея Рязанова и Курапа Мякинина). Особую роль в этой борьбе сыграло, по мнению Замятина, возвращение из Москвы в Новгород слуги Федора Боборыкина, который рассказал о последних событиях в Москве (об избрании Михаила Романова и недовольстве части москвичей этой кандидатурой). Однако в данный тезис следует внести некоторые коррективы. Замятину не были известны документы Новгородской приказной избы, за исключением опубликованных¹⁶. Сохранилось «Дело об измене Парфения и Самойла Нарбековых, Угрима и Богдана Лупандиных, князя Юрия Мещерского». Фактически Лупандины и Нарбековы бежали из Новгорода еще до 11 июля 1613 г. (в этот день в их домах был уже обыск)¹⁷. Мы видим случайное совпа-

---

1613, июня 12 // ДАИ. Т. 2, № 3. С. 5; Приложение к листу Деллагарди от 3 августа 1613 г. // Сб. НОЛД. Вып. 5, № 6. С. 22–24.

¹⁶ *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Деллагарди // Учен. зап. имп. Юрьев. ун-та. Юрьев, 1896; № 3. ДАИ. Т. 1, 2.

¹⁷ Допросные речи в доме Парфения и Самойла Нарбековых об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Федора Одинцова и подьячего Ивана Лазорева. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2: 245. Л. 1–3; Допросные речи в домах Угрима и Богдана Лупандиных об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Андрея Неелова и подьячего Ждана Максимова. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2: 245. Л. 4–7; Допросные

дение дат – ведь именно 11 июля 1613 г. в Москве произошло венчание на царство Михаила Романова, а накануне этого дня из Новгорода бежали сторонники царя Михаила. Следует учесть, что слуга Ф. Боборыкина прибыл из Москвы 16 июля. В этот же день в Новгород прибыл гонец из Стокгольма от короля Евсей Рязанов, а гонец из Выборга Курап Мякинин – лишь 6 августа.

В действительности бегство Лупандиных и Нарбековых никак не связано с прибытием гонцов из Стокгольма и Выборга, требующих отправки послов встречать принца, а также со смутами в Новгороде на собрании по этому поводу и с победой «сепаратистов». Бегство также не связано с прибытием из Москвы слуги Федора Боборыкина, который сообщил последние новости о Михаиле Романове. Бегство «изменников» произошло значительно раньше указанных событий. По нашему мнению, это бегство из Новгорода было вызвано освобождением Тихвина 25 мая, отражением тихвинцами в начале июня первого наступления шведов, прибытием в монастырь московской рати князя С. В. Прозоровского (24 июня 1613 г.). Важную роль в принятии решения о бегстве сыграли письма, которые рассылал новгородцам этот московский воевода еще по пути в Тихвин с призывом признать Михаила Романова своим царем.

Замятин делает правильный вывод о том, что в Новгороде знали об избрании Михаила Романова, но все же отправили посольство Дионисия в Москву – агитировать москвичей к свержению нового царя и к присяге шведскому королевичу.

Говоря об отправке посольства Дионисия в Москву, Замятин дает краткую характеристику всех членов данного посольства, которые были сторонниками шведской ориентации, а также авторов Наказа (документа, с которым Дионисий и его спутники отправились в Москву). Вывод исследователя заключался в следующем: главные руководители новгородского правительства (митрополит Исидор, воевода И. Н. Одоевский, дьяк Семен Лутохин) в 1613 г. были сторонниками шведского королевича. Митрополит Исидор наказывал игумену Дионисию вместе с дворянами убеждать московских людей, чтобы они были с Новгородом «под единым кровом» Карла Филиппа. Боярин Одоевский являлся личным другом Якоба Делагарди, а дьяк Семен Лутохин долгое время служил шведам верой и правдой. Однако в дальнейшем, к началу 1615 г., положение изменилось, эти люди стали сторонниками Москвы. Они – противники унии Новгорода со Швецией, на чем настаивал король и Эверт Горн.

речи в доме князя Юрия Мещерского об отъезде хозяина из Новгорода по сыску Алексея Аврамовича Колычева. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2: 245. Л. 8.

Далее Г. А. Замятин по подписям в различных документах определяет других сторонников шведского королевича к моменту отправки посольства Дионисия в Москву, приводит краткие биографические сведения о них. Подпись под документом – не только свидетельство того, что данное лицо присутствовало на собрании, вынесшем известное решение, но и знак согласия с решением, принятым собранием. Исследователь подверг анализу лишь четыре документа: Приговор новгородцев 27 июля 1613 г. об отправлении посольства архимандрита Киприана в Выборг; челобитную новгородцев в 1614 г. шведскому королю Густаву Адольфу; запись челобитий, поданных новгородцами в Выборге в сентябре 1613 г. и Приговор об отправлении посольства архим. Никандра в декабре 1611 г. в Стокгольм. По аналогичному пути совсем недавно пошла Е. И. Кобзарева, которая не была знакома с данным трудом Г. А. Замятина. Исследовательница привлекла для анализа ситуации в Новгороде и определения сторонников Карла Филиппа не только перечисленные документы, но и находящийся в РГАДА Приговор об отправке посольства Киприана в Москву в 1615 г. (изучая подписи по этим приговорам), а также неизвестные Замятину многочисленные документы Новгородской приказной избы, микрофильмы которых находятся в ГАРФ¹⁸. Отрадно отметить, что независимо от Замятина современная исследовательница пришла к аналогичным выводам.

Анализируя первый документ (приговор от 27 июля 1613 г.)¹⁹. Г. А. Замятин, привлекая другие источники, пришел к выводу, что руководитель посольства Киприан вплоть до конца 1614 г. был сторонником шведского королевича. По возвращении из Москвы в Новгород в 1615 г. Киприан превращается в ревностного сторонника Москвы, решительно отказывается от присяги на имя шведского короля, за что попадает в тюрьму и подвергается пыткам. Яков Михайлович Боборыкин вначале также был сторонником шведского королевича, а с начала 1614 г. превратился в убежденного сторонника Москвы. Третий член посольства в Выборг, Томила Пристальцов, наоборот, в дальнейшем вообще перешел на шведскую службу. Эти трое членов посольства в 1613 г. выступали за шведского королевича, но потом пережили сложный психологический процесс перехода от шведской ориентации к ориентации московской (кроме Пристальцова). Замятин писал: «Подобный процесс пережили многие новгородцы. У разных лиц он, вероятно, происходил неравномерно. Изучение этого перелома в психике жи-

---

¹⁸ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 339–381.

¹⁹ Приговор митрополита Исидора, воеводы князя Ивана Одоевского и земских чинов... 1613, июля 27 // ДАИ. Т. 2, № 4. С. 5–8.

телей Новгорода по биографическим данным – тема весьма заманчивая».

Замятин считал сторонниками шведской ориентации на данном этапе (летом 1613 г.) не только всех членов посольства, отправившихся к Карлу Филиппу в Выборг, но и всех лиц, подписавшихся под приговором 27 июля 1613 г. Эти подписи ставились после борьбы между сторонниками московской и шведской ориентации. Те люди, кто поставил свои подписи, соглашались отправить посольство из Новгорода в Выборг к Карлу Филиппу.

Вторым документом, который подвергся тщательному анализу Германа Андреевича, была челобитная новгородцев Густаву Адольфу, которая была подана после 22 августа 1614 г.²⁰ Все челобитчики (под документом имеется 31 подпись) – верные слуги Карла Филиппа. Среди них – 8 представителей монашества, 4 дьяка, 5 дворян, 2 гостя, 3 посадских, 8 лиц остаются невыясненными. Под челобитной имеется подпись дьяка Ивана Тимофеева (на это до Г. А. Замятина не обращал внимание ни один из исследователей), а это свидетельствует, по мнению ученого, что дьяк Иван Тимофеев – сторонник шведской кандидатуры. Все челобитчики были сторонниками Карла Филиппа не только в 1613 но и в 1614 г. Замятин говорит о необходимости критически относиться к сообщению новгородского посадского человека Ивана Филатова о событиях января 1614 г. в городе. Сам Филатов не присутствовал на этом собрании, но утверждал, что все в Новгороде выступали за Михаила Романова. Фактически Иван Филатов говорил лишь о нежелании новгородцев отделяться от Московского государства.

Третий документ, на который обратил внимание Замятин, – это запись челобитий, поданных новгородцами в Выборге Карлу Филиппу 8 сентября 1613 г.²¹ Исследователи ранее ничего не писали о челобитных и о пожалованиях новгородцам со стороны шведов, хотя много внимания уделяли земельным пожалованиям польского королевича Владислава и короля Сигизмунда. Данный источник важен как показатель, какой ориентации придерживались челобитчики. В источнике записаны челобитья 23 человек. Среди них – 4 князя, 6 дворян, 4 гостя купца, 2 дьяка, 2 подьячих, 1 митрополичий дворецкий, 1 служитель культа, 1 писарь.

---

²⁰ Челобитная Новгородских митрополита Исидора, воеводы князя Ивана Одоевского и земских чинов Шведскому королю Густаву Адольфу о непринуждении их к вторичному крестоцелованию, в нарушение прежней присяги, данной ими брату его принцу Карлу Филиппу. 1614, после августа // ДАИ. Т. 2, № 21. С. 45.

²¹ О данном источнике Г. А. Замятин писал следующее: «...извлеченный из шведского государственного архива в Стокгольме». По-видимому, этот документ находится в фонде «Московитика», в «Деле об избрании Карла Филиппа русским царем» (Muscovitica. Handlingar ang. hertig Carl Pfilipp utväljande till czar).

Особое внимание Замятин уделил личности челобитчика Василия Бутурлина, указав, что этот человек не имеет ничего общего с чашником В. И. Бутурлиным (хотя и в настоящее время ряд исследователей, включая В. В. Богуславского и Е. Куксину, считают Василия Ивановича Бутурлина изменником, который перешел на сторону шведов в 1614 г., стал шведским подполковником и т. д.)²². Гость Степан Иголкин, о скандальной выходке которого на переговорах в Выборге писал еще Г. В. Форстен, был противником унии Новгорода со Швецией, но не противником Карла Филиппа.

Все челобитья идут от представителей высших слоев новгородского общества; нет ни одной челобитной от посадских людей. Из челобитчиков 9 человек являются членами новгородского посольства в Стокгольм 1611 г. Все они в сентябре 1613 г. в Выборге принесли новую присягу Карлу Филиппу, обязались соблюдать договор Новгорода с Делагарди от 25 июля 1611 г. Других лиц, которые подали челобитные, также можно считать сторонниками шведского королевича.

Четвертый документ, который исследовал Замятин, – это Приговор об отправлении посольства из Новгорода в Стокгольм от 25 декабря 1611 г.²³

Как послы, так и все подписавшиеся (а их – свыше 78 человек) – это сторонники шведской кандидатуры.

Сравнивая эти четыре документа (в том числе количество подписей под приговорами 1611 и 1613 гг.), Замятин приходит к следующему выводу: уменьшение подписей говорит о том, что ряды сторонников Карла Филиппа в Новгороде в 1613 г. стали редеть. Представители церкви и приказные оставались на прежней позиции, торговые люди также больше тянули к Швеции. Наблюдается тяготение торговых людей к торговле по Балтийскому морю, а эту торговлю могла обеспечить Швеция. Среди торговых людей Замятин ошибочно называет помещика Бежецкой пятины Гостя Коковцева. Данную ошибку недавно повторила Е. И. Кобзарева²⁴.

---

²² Славянская энциклопедия. XVII век: В 2 т. / Авт.-сост. В. В. Богуславский. М., 2004. Т. 1: А–М. С. 193–194 (Бутурлин-Граня Василий Иванович); *Мархоцкий Н.* История Московской войны / Подгот. публикации, пер., ввод. ст., коммент. Е. Куксиной. М., 2000. С. 141–142 (коммент.).

²³ Приговор Новгородских митрополита Исидора, воеводы князя Ивана Одоевского и земских чинов об отпуске в Стокгольм Юрьевского архимандрита Никандра с уполномоченными, для предложения российского престола одному из шведских принцев, Густаву Адольфу или Карлу Филиппу. 1611, декабря 25 // ДАИ. Т. 1, № 162. С. 283–285.

²⁴ *Кобзарева Е. И.* Переговоры Новгорода со шведами... С. 357, 371; *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 153.

Относительно ремесленников Замятин пишет: «...приходится допустить, что и ремесленники в Новгороде стоят за Карла Филиппа». Исследователь сделал данный вывод на основании того, что простые люди в Новгороде ничего не решали без воеводы митрополита и воеводы. Часть ремесленников по примеру митрополита Исидора и воеводы Одоевского стояла в 1613 г. за шведского королевича. Далее Замятин осторожно замечает: «...распространить этот вывод на все ремесленное население в Новгороде не решаемся за недостатком данных».

Исследователь сделал интересный вывод, что все новгородцы в июле 1611 г. после взятия Новгорода шведами присягали шведскому королевичу. Об этой присяге имеются упоминания и в других документах. По сообщению М. Шаума, присяга в Новгороде состоялась 25 июля 1611 г. Новгород так же целовал крест шведскому королевичу, как Москва присягала в августе 1610 г. Владиславу польскому. Факт принесения присяги в Новгороде, к сожалению, изучен недостаточно, констатирует Г. А. Замятин.

Данный вывод Замятина можно подкрепить следующим положением. В Москве патриарх Гермоген играл важную роль в принятии москвичами присяги польскому королевичу, он же одним из первых выступил против Владислава, что способствовало началу борьбы против поляков. В Новгороде митрополит Исидор призывал простых людей к присяге Карлу Филиппу. Митрополит **не выступал** активно против шведов, поэтому простые люди в Новгороде летом–осенью 1613 г. и даже в 1614 г., когда войско боярина Трубецкого уже стояло в Бронницах, не подняли восстание, как в Москве в марте 1611 г.

Особое внимание Замятин уделил новгородским землевладельцам. Здесь наблюдается раскол, настроение помещиков неустойчивое, оно зависело от того, как складывается ход военных действий. Из среды дворян выходят, с одной стороны, такие ярые приверженцы Швеции, как Никита Калитин, с другой – такие сторонники Москвы, как Я. Боборькин, У. Лупандин и др. Сторонников Москвы было даже большинство. В 1613 г. новгородские помещики уже начинают изменять шведскому королевичу. В подкрепление данного вывода исследователь приводит кроме разобранных четырех источников две поручные записи²⁵.

Говоря о мотивах, которые руководили сторонниками Москвы и Швеции, исследователь отмечает, что на новгородских дворян подействовала обнаружившаяся еще в 1613 г. слабость шведов, ко-

---

²⁵ Поручные записи по Новгородских помещиках и помещицах о неотъезде их из своих поместий за Новгородский рубеж. 1613, ноября 17 // ДАИ. Т. 2, № 9. С. 17–18.

которые не смогли овладеть отпавшими Тихвином и Гдовом. Новгородские помещики опасались, что с утверждением в Новгороде шведского королевича произойдет мобилизация земельной собственности, похожая на ту, что была после присоединения Новгорода к Москве при Иване III. Сторонники шведов из числа челобитчиков «нуждались во власти, которая могла бы защитить их собственность; этой сильной власти они искали у иностранцев – шведов». В июле 1613 г., во время «смуты» в Новгороде победа оставалась за сторонниками шведского королевича во главе с митрополитом Исидором и боярином Одоевским. Они-то и отправили почти одновременно посольство во главе с Киприаном в Выборг и посольство во главе с Дионисием в Москву.

Говоря о роли самого Якоба Делагарди при отправлении посольства Дионисия в Москву, Замятин приходит к неожиданному выводу: «Делагарди вряд ли проявлял большую активность при отправлении посольства Дионисия с дворянами. Силою развертывающихся событий новгородцы принуждались к определенным действиям».

В заключение Замятин привел отрывочные сведения о дальнейшей судьбе участников посольства Дионисия, используя такой источник, как «Распросные речи Никиты Калитина». Бежавший из Пскова в Новгород Никита Калитин рассказал, что Дионисия и его спутников вначале задержали в Торжке, а потом отправили в Москву, где посадили под стражу на шесть недель²⁶. При этом Замятин указал на ошибки, допущенные редактором данного сборника документов²⁷ М. В. Муравьевым, который считал, что речь идет о посольстве Киприана в Москву. Далее исследователь пишет: «Последующая судьба Дионисия и приехавших с ним дворян нам неизвестна». Однако в Книгах разрядных и Дворцовых разрядах, опубликованных еще в 1850–1853 гг., приведены сведения о некоторых участниках этого посольства. Елизарий Корсаков, Петр Лутохин, Воин Новокшенов и Иван Секирин были отправлены в сибирские города вторыми воеводами. После возвращения из Сибири некоторые из них сделали неплохую карьеру при дворе Михаила Романа.

Замятин считал, что посольство Дионисия «оказалось не в силах выполнить порученные поручения. Московские люди от Михаила Федоровича не отреклись». Но при этом в Москве поняли, что существует опасность отделения Новгорода от Москвы: в Новгороде мог утвердиться другой правитель. Чтобы воспрепятствовать

---

²⁶ Распросные речи Никиты Калитина. 1614, февраль // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5, № 9. С. 28.

²⁷ Сб. НОЛД. Вып. 5, № 9. С. 28.

этому, московское правительство отправило под Новгород войско боярина Д. Т. Трубецкого: «Можно с уверенностью говорить, что посольство Дионисия с дворянами в Москву заставило царское правительство начать военные действия против Швеции, приступить к изгнанию шведов из Новгорода». Е. И. Кобзарева придерживается другой точки зрения, она считает, что Дионисий и его спутники в Торжке, а позднее в Москве рассказали о безвыходном положении города, о готовности жителей начать восстание против шведов. По ее мнению, из Торжка в Москву были переданы сведения о желании новгородцев избавиться от власти шведов и вернуться в состав Московского государства: «Можно предположить, что под влиянием полученной информации к Новгороду были посланы для приведения новгородцев к присяге войска во главе с кн. Д. Т. Трубецким»²⁸.

Возможно, здесь правы оба исследователя, а Дионисий и его спутники, по пути в Москву и в самой Москве изучив обстановку, убедившись в массовой поддержке нового царя местным населением, относительно легко пережили упоминавшийся Замятиным «психологический процесс перехода от шведской ориентации к ориентации московской».

В Москве надеялись на успех этого новгородского похода, на всеобщее восстание жителей против шведов, однако бояре переоценили свои силы, и в итоге воевода Трубецкой потерпел поражение под Бронницами.

Статья Г. А. Замятина о выступлении новгородцев против первого царя из семьи Романовых в 1613 г., написанная более 70 лет назад, до сих пор не утратила своего научного значения. Ее публикация в Новгородском историческом сборнике – дань памяти этому выдающемуся исследователю Смутного времени.

---

²⁸ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода... С. 279.

Письмо Г. Замятина к А. Строкову 18.11.1939

22 ноября 1939
вх. № 28

18 ноября 1939 г
Пермь. Советская ул. 62, кв. 62

Глубокоуважаемый т. Строков,

Позволяю себе послать Вам для напечатания в Новгородском Истор. сборнике еще одну свою работу. Это – итог изысканий, которые велись не один год. Работа не раз исправлялась. Этим и объясняется ее вид. Я посылал работу в Москву С. В. Бахрушину с просьбой пристроить ее в журнале. С. В. Бахрушин нашел работу очень хорошей (у меня есть его письмо) и заслуживающей опубликования, но его смутила тема, неудобная будто бы, когда проявляется интерес к борьбе против интервентов.

Беседовал я о ней и с Б. Д. Грековым. Ему сообщил о моей работе С. В. Бахрушин. И Б. Д. Греков оказался того же мнения, что и С. В. Бахрушин.

Я после того еще раз переделал работу. Посылаю ее вам уже в исправленном виде. Просмотрите ее и решите, можно – ли печатать. Мне думается, что она имеет интерес не только для новгородцев, для местного края, но вообще для истории СССР, поскольку освещается вопрос, не затрагиваемый исследователями. Прошу Вас не задерживать с ответом, пойдет ли работа в Вашем сборнике. Если не пойдет, буду просить Вас вернуть ее незамедлительно мне.

Если пойдет, тогда при печатании обратите внимание на то, что слова, поставленные в скобках синим карандашом, должны быть в примечаниях. Знаки, сделанные красным карандашом, означают или добавление или перестановку. Буду с нетерпением ждать от Вас ответа.

Получили – ли посланные мною недавно копии с документов в добавление к моей статье?

Не откажитесь подтвердить и получение настоящей работы.

С искренним уважением
Г. Замятин

НГМ КП 25975 / 3837

№ 3837 – 1946
ОПИ НГМ № 3837

Письмо С. В. Бахрушина Г. А. Замятину

Многоуважаемый
Герман Андреевич,

простите, что так замедлил с ответом, но на меня сейчас навалилось одновременно так много обязанностей, что я с трудом отрываю время для личных своих дел. Тем не менее я с особым интересом прочел Вашу статью, и, не полагаясь вполне на свое собственное суждение, передал ее редактору «Исторических записок», издаваемых Академией наук, человеку очень образованному и вдумчивому. Наши мнения вполне совпали. И он, и я в полном восторге от того, с какой четкостью и мастерством сделан анализ источника; это, действительно, блестящий образец работы над документом. С этой точки зрения, желательно было бы статью напечатать. Но нас обоих смущает тематика. В общем исследовании об шведской интервенции нач. XVII в. – глава, трактующая о симпатиях некоторой части новгородского населения (верхов) к шведской кандидатуре уместна, но выделенная в особую главу, она может произвести одностороннее впечатление.

Сейчас на очереди изучение моментов национальной борьбы против всякого рода интервенции, и эта именно сторона вопроса привлекает наибольшее внимание читателей. В этом плане измена национальному принципу со стороны власти господствующего класса выступала бы ярче на фоне общего национального подъема, а взятая отдельно, может вызвать обостренную критику. Вот почему мы не позволяем себе рекомендовать Вам печатание Вашей работы в виде отдельной статьи. Тем более хотелось бы видеть ее в составе того большого труда, над которым Вы работаете так много лет и которого лично я жду с большим нетерпением.

Буду ждать Ваших указаний, как поступить с Вашей рукописью, переслать ли ее обратно Вам или передать еще кому-нибудь на просмотр – может быть Борису Дм[итриевичу] Грекову, который редактирует известный вам Новгородский сборник.

Еще раз извиняюсь за промедление.

Всего лучшего.
С. Бахрушин

2/Ш–1939

ОР РГБ. Ф. 618. Картон № 9. Ед. хр. 29. С. 1–2 об.